

Рецензия на книгу:

**Словарь русских говоров Сибири: В 5 т. / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров и др.;
Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.**

Выход в свет любого диалектного словаря, отражающего лексику и фразеологию говоров отдельного региона, является событием в диалектной лексикографии. 2006-й год ознаменовался новым, исключительно важным событием в сибирской и российской диалектной лексикографии в целом: завершилось издание пятитомного (в шести книгах) «Словаря русских говоров Сибири» (далее СРГС). Он издавался в относительно небольшой промежуток времени (7 лет), однако представляет собой итог не одного десятка лет труда небольшого коллектива сотрудников сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск). Его главные составители – доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник этого института Александр Ильич Федоров и старший научный сотрудник института Наталья Тимофеевна Бухарева. А. И. Федоров – известный в России и за ее пределами историк русского литературного языка, лексиколог, диалектолог, лексикограф, один из составителей первого в России «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова, составитель и редактор ряда фразеологических словарей литературного языка и говоров Сибири, «Словаря русских говоров Новосибирской области». Имя Натальи Тимофеевны Бухаревой менее известно, но составление словарей было смыслом всей ее жизни. Не будь ее, может быть, и не вышел бы в свет СРГС. Именно знанием, трудом, умом и сердцем незаметных тружеников лексикографической науки создаются многие российские словари. Наталья Тимофеевна была из их числа. Светлая ей память.

Словарь относится к типу толковых *дифференциальных полидиалектных (сводных) словарей*, которые реально могут создаваться один раз в столетие. Деятнадцатый век

оставил русистике два таких словаря: «Опыт областного великорусского словаря» под ред. И. И. Срезневского (1852) и «Дополнение» к нему (1858); к их числу можно отнести и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (1863–1867), который, не являясь собственно диалектным, в огромнейшем количестве отразил и сохранил на века диалектные слова, фразеологизмы, пословицы и поговорки, записанные его автором в различных регионах России. Двадцатый век ознаменовался грандиозным изданием «Словаря русских народных говоров» (гл. ред. Ф. П. Филин, затем Ф. П. Сороколетов), которое началось в 1965 г., продолжается сейчас и будет продолжаться до тех пор, пока не иссякнут хранилища картотеки словаря в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Работа рассчитана еще на многие годы. СРГС замыкает этот немногочисленный ряд сводных словарей.

Основу картотеки СРГС составили диалектные материалы экспедиций в районы Новосибирской области, которые начали проводиться с 1964 г. и в которых принимали участие преподаватели, аспиранты и студенты-филологи гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета. На основе этих материалов был составлен и издан в 1979 г. «Словарь русских говоров Новосибирской области» под ред. А. И. Федорова. Картотека этого словаря была существенно дополнена новыми данными, полученными в результате сбора материала сотрудниками Института филологии СО РАН, и расширена материалами отдельных уже изданных некоторых словарей сибирских говоров. В числе последних – дифференциальные словари среднеобских говоров, «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» под ред. В. В. Палагиной и «Полный словарь сибирского говора» под ред. О. И. Бли-

новой – все созданы в Томском государственном университете, словари русских говоров Кузбасса, южных и северных районов Красноярского края, «Иркутский областной словарь», словари русских говоров Прибайкалья и Забайкалья, «Словарь русских говоров Индигирки» (Якутия), «Словарь русских говоров Среднего Урала»; русские говоры Алтайского края представлены небольшим «Талицким словарем», составленным кандидатом филологических наук доцентом Валентином Ивановичем Богдановым. Всего 14 таких источников указано в 1-м томе СРГС. Последующие тома пополнены материалами других словарей: «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» (дополнение), «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», «Словаря русских говоров Алтая». Полнота СРГС, как и любого сводного словаря, относительно (это отмечает и А. И. Федоров), она определяется объемом собранной картотеки. Но даже с учетом неполноты зафиксированного в СРГС материала он является знаменательным событием русской диалектографии рубежа двух столетий.

По способу отбора и описания слов и фразеологических единиц (ФЕ) СРГС традиционный – *дифференциальный алфавитно-толковый*. Он дает разнообразную информацию о лексикографируемых единицах: о их семантике, денотативной и коннотативной, системных отношениях (лексическом варьировании слова, междиалектной синонимии, словообразовательных связях слов и т. п.), о функционировании слов и словосочетаний в речи носителей говоров разных территорий Сибири. Хорошо разработаны полисемия слов и омонимия. Междиалектная полисемия свидетельствует о широте территориального распространения того или иного языкового знака и о широте закрепившихся за ним значений. В Словаре очень много ФЕ и устойчивых словосочетаний номинативного типа: номинации болезней, цветов, растений, болотистых и других мест и т. п. Материалы СРГС (лексические единицы, в том числе метафоры, ФЕ, сравнения, контексты) демонстрируют богатство диалектного лексико-фразеологического пласта говоров, образность и выразительность речи носителей сибирских говоров. Например, по представленным в Словаре материалам видно, что одним из самых активных глаголов, вы-

ступающих в качестве компонента диалектных ФЕ, является глагол *ходить*. В пятом томе СРГС (с. 219–222) приведены десятки ФЕ, репрезентирующих смыслы различных концептосфер: *‘заниматься каким-либо делом’* – *ходить в извоз* устар., *ходить в дорогу*, *ходить в ямцину*, *ходить на лошадах*, *ходить у оглобли* устар. ‘заниматься извозом’, *уходить в обоз* устар. ‘участвовать в товарном извозе’, *в неводу ходить* ‘ловить рыбу неводом’, *ходить в обход* ‘работать деревенским сторожем’, *ходить в продажу* ‘торговать’, *за конями ходить* ‘ухаживать за лошадьми’, *ходить звероватъ* ‘охотиться’, *ходить золотишничать* ‘добывать золото в одиночку’, *ходить на орешку* ‘заниматься кедровым промыслом’, *ходить на плотях* ‘заниматься сплавным промыслом’, *ходить по нянькам* ‘нанявшись, работать нянкой’, *ходить по свадьбам* ‘быть стряпухой на свадьбах’, *ходить (пойти) по крестьянам* ‘наниматься в работники’ и т. д.; *‘быть беременной’* – *ходить в тяге*, *ходить горой*, *ходить (сколько-либо) брюх;* *‘гулять’*, *‘водить хоровод’*, *‘озорничать’* – *ходить в круг(у)*, *ходить в разлуку*, *ходить зарей*, *ходить кругом (кругами)*, *ходить на подножье*, *ходить разлуками (разлукой)*, *ходить стенкой*, *ходить улицей* и др.; *‘завнаваться’* – *ходить вальтом*; *‘бояться, дрожать от страха’* – *ходить по ножо’вому острию*, *хо’динем ходить* и т. д. Сибирские говоры демонстрируют также широкое поле слов с корнем *-ход-/-хож-*, репрезентирующих смыслы концептосфер *передвижение человека или предмета в пространстве* (*ходок* и *ходовик* ‘переселенец в Сибирь <...>’, *ходярка* ‘скотница’, *хожалка* и *хожарка* ‘работница птицефермы’, *ходовой* ‘судоходный’, *ходовá* ‘фарватер’, *ходоки* ‘вид обуви’, *хожалка* ‘тропинка в лесу’ и ‘калитка’ и др.) и – метафорически – *человек внутренний*: *‘энергичный, бойкий, деятельный’* (*ходо’вый*, *хожавый*), *‘легкомысленный’* (*хожалая*, *хожалый*) и т. д. Такой материал, естественно, расширяет лингвистические представления о концептуальной картине мира русских, о неисчерпаемых словообразовательных возможностях диалектных систем, о метафоре как о важнейшем ментальном механизме, участвующем в порождении образных номинаций – лексем и ФЕ.

Целесообразность создания сводного словаря русских говоров Сибири – давно на-

зревшая задача, ее решение очень актуально для современных лингвокультурологических исследований общесибирского ареала, которые уже ведутся в разных городах Сибири. Без вовлечения диалектного материала в круг таких исследований лингвистические представления о картине мира русских не могут быть полными. Лексика и фразеология говоров хранят историческую и культурную память о русском народе: о его образе жизни и судьбе в разные периоды российской истории, духовных ценностях, культурных традициях, обрядах, обычаях, в них отражены представления жителей Сибири об окружающей действительности, об отношениях между людьми, лексические единицы и ФЕ передают мироощущение, мировидение, мировосприятие, самосознание русского народа, народа-труженика, живые, яркие, не потускневшие образы. Концептуальная картина мира диалектоносителей является органической частью общенациональной картины мира русских. Сводный словарь дает возможность ставить и решать новые задачи. Ряд таких задач имеет отношение к полисемии: выявление максимально полной системы значений многозначных лексем, функционирующих в говорах разных территорий Сибири, может способствовать более полному описанию отдельных концептов русской культуры и отдельных концептосфер (лингвокультурологический аспект), воссозданию семантической эволюции отдельных лексем (один из аспектов исторической лексикологии).

При строго соблюдавшемся системном подходе изучение полисемии, варьирования слова в плане его выражения, синонимии ограничивалось рамками отдельного говора или группы генетически однородных и территориально близких говоров. Между тем опора на диалектный материал позволяет установить семантические связи слова литературного или литературно-разговорного употребления со словами говоров, прояснить образ, лежащий в основе названия.

Так, в разговорной речи функционируют слова *нахлобучить* 'надеть, надвинуть низко на лоб, на уши головной убор', несов. *нахлобучивать*, дериваты сов. *нахлобучиться*, несов. *нахлобучиваться* – о головном уборе, а также *нахлобучка* 'строгий выговор, нагоняй' (*получить нахлобучку, дать нахлобучку*). В художественной литературе начала XX в.

слово *нахлобучка* употреблялось в значении 'головной убор ямщика', не сохранившемся в современном разговорном дискурсе. В СРГС зафиксированы: глаголы-омонимы – *нахлобучивать-1* (сов. *нахлобучить*) 'накрывать что-либо' (*Бук сверху нахлобучивали шайкой вместо крышки и холсты там бучили*. Бурят., Хорин.) и *нахлобучивать-2*, экспрес. 'колотить белье вальком' (*И эти дорожки нахлобучиваешь на реке*. Кемер., Белов.); существительные-омонимы – *нахлобучка-1* в разных значениях, все они объединяются архисемами 'что-то (надевается / находится) сверху кого-чего-нибудь, защищая от чего-либо': 1) 'накидка из войлока или из плотной ткани, которой в зимние холода покрывали корову' Омск.; 2) 'крышка' (для кадки, кринки и т. п.) Омск., Томск.; 3) 'верхнее бревно на гребне двускатной крыши дома' Томск.; 4) 'пелерина, накидка' Прибайкал.; 5) 'капюшон, шапка из оленьей шкуры' Томск.; 6) 'клапан, прикрывающий отверстие на кармане' Иркут., и *нахлобучка-2*, экспрес. 'самогонка' (*Нахлобучками самогонку звали*. Омск., Знамен.); *нахлобушка* 'верхний сноп в суслоне, закрывающий его от дождя' – явная близость со значениями первого омонима. На фоне диалектных значений лексемы *нахлобучка-1* становится понятным образное значение 'строгий выговор, нагоняй' разговорной экспрессивной номинации *нахлобучка* – это стертая семантическая (от *нахлобучка* 'головной убор') или словообразовательная (от *нахлобучить / нахлобучивать*) метафора.

СРГС демонстрирует более широкую картину некоторых корнеслов, чем словари литературного языка. Так, в МАС зафиксировано 5 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) лексемы *корень*, 5 лексем с морфемой *корен-/корен'* (*коренастый, корениться, коренник, коренной, корень*) и 11 ФЕ с компонентом *корень*. В СРГС – 7 диалектных ЛСВ этой лексемы: 1) 'ножка гриба'; 2) 'нарост на коре дерева'; 3) 'нижняя часть снопа'; 4) 'центральная часть колеса, втулка, к которой крепятся спицы'; 5) 'деревянный обод колеса'; 6) 'истоки реки'; 7) *В корень*. 'запряжка лошади в оглобли, а не в постромки, когда в экипаж впрягаются три лошади'; кроме того, 22 лексемы данного корнеслова (*коренастый* то же, что *коренастый, корендушка* 'примитивная соха, сделанная из корня дерева', *корневка* 'сорт картофеля, дающе-

го большой урожай клубней’, *коренелый* ‘коренной житель’, *коренепка* ‘сорт картофеля, белый и круглый’, *коренистый* ‘с большими корнями’ и ‘сучковатый’, *коренить* ‘корчевать пни’, *коренка* ‘корзина’ и ‘пень’ и др.), 7 устойчивых словосочетаний номинативного типа и ФЕ (*кореная вода* ‘речная вода после разлива’, *коренчатые сохи* ‘деревянные кривые (сохи)’, *вонючий корень* ‘растение вонючка обыкновенная’, *маралиный корень* ‘маралий корень; козобородник’, *елкин корень* ‘незловивое ругательство’ и др.). Таким образом, в общерусской картине мира концепт «корень» концентрирует гораздо больше смыслов, чем в картине мира носителей литературного языка.

В СРГС зафиксированы десятки номинаций с образом ‘круг, круглый’. Они обозначают: **предметы повседневного употребления в быту, постройки и их части, реалии, связанные с сельским хозяйством** (*круг* ‘колесо самопрялки’ Томск., ‘коврик’ Новосибир., *круговик* ‘коврик’ Бурят., *круговая печка* Омск., *круглая рубаха* ‘рубаха с разрезом посередине’ Новосиб., *кругляшок* ‘бублик’ Прибайкал., *круглая рыба* ‘засоленная непотрошенная рыба’ Новосиб., *круглые дрова* ‘нерасколотые поленья’ Омск., *круглыши* Томск. и *кругляш* Кемер. ‘полено’, *круглуш* и *круглыш* ‘нерасколотое полено’ Томск., *круговина* ‘укладка дров’ Томск., *круглый дом* ‘дом с четырехскатной крышей’ Новосиб., Омск., *кругловик* ‘пятитенный дом’ Кемер., *круглый потолок* ‘бревенчатый потолок’ Бурят., *круглышка* ‘бьющая часть цепа’, *круглушка* ‘небольшая копна сена’ Хакас., *кругляш* ‘большая копна сена’ Краснояр. и др.); **игры, реалии свадебного обряда** (*круг* ‘хоровод’ Новосиб., Томск. и др., *кругова* ‘карусель’ Прибайкал., *круговая песня* ‘хороводная песня’ Омск., *круговик* ‘венки из бумажных цветов для невесты’ Бурят.); **природные реалии** (*круглец* ‘осока’ Новосиб., *кругловина* ‘небольшое поле’ Омск., *круговик* ‘участок пашни или поля при круговой запашке’ Томск., *кругляк* ‘круглый камень’ Г. Алтай., *круговерть* ‘метель, пурга’ Прибайкал. и т. п.); **характеристики человека** (*круговая* – о женщине бестолковой Омск., легкого поведения Краснояр., *круговой* – о потерявшем память человеку, сплетнике, тугодуме Краснояр., *круговня* ‘болтовня’ Краснояр.) и многие другие, включая слова с основой *круж-* (*кружавина*, *кружак*, *кружало*,

кружалый, *кружать*, *кружаться*, *кружевина*, *кружевья*, *кружельщик*, *кружень*, *кружилка*, *кружня* и др.).

Материалы СРГС дают возможность для выявления когнитивных источников образных слов и ФЕ. Так, первичное представление ‘*косой*’ ‘расположенный наклонно, под углом к прямой’, ‘не прямой, не отвесный’ послужило основой для возникновения множества вторичных номинаций, выраженных этой же звуковой оболочкой и морфемной структурой (ср. *косой взгляд*, *косой ворот* (> *косоворотка*), *косой заяц*, *кося сажень в плечах* и др.) и словообразовательными дериватами разных частей речи, обозначающими: а) **натурфакты и их признаки** – общерусские слова *косяк* (рыб), *косогор*; диалектные *косогорица* и *косогорка*, *косохлест* ‘косой дождь’, *косоцелый* ‘имеющий винтообразные щели в древесине (о дереве)’, *кособолонный* и *косослойный* ‘имеющий винтообразную древесину (о дереве), витой’, *косистый* ‘мелководный’, *косяк-2* ‘заяц’ и др.; б) **артефакты и их признаки** – диал. *косяк-1* 1) ‘угловая треугольная полка’ 2) ‘угловой треугольный стол’, 3) ‘выпуклый угол’, 4) ‘конец платка, косынки’, 5) ‘косынка’; *косоклиник* ‘сарафан с косыми клиньями’, *косоплет*, *косоплетка*, *косоплетник* и *косник* ‘лента, полоска материи, шнурок, вплетаемый в косу’, *косорочка* ‘домотканая нательная рубаха’, *косорыловка* ирон. ‘хмельная брага <...>’, *косомялый* ‘смятый, неряшливо связанный’ и др.; в) **человека** по определенным внешним недостаткам, признакам или морально-этическим признакам, а также действия человека, все такие слова – экспрессивы с негативной оценкой, относящиеся к разговорному и/или диалектно-просторечному дискурсу: *кособокий*, *косоглазый*, *косопалый*, *косоногий*, *косорукий* 1) ‘с искривленной кистью руки’ и 2) перен. ‘такой, у которого все валится из рук; неловкий’, *косорылый*; диал. *косоликий* ‘с перекошенным лицом’, *косопрядничать* ‘сплетничать’, *косопрядница* и *косопрядник* ‘сплетница’ и ‘сплетник’, *косоротить* ‘перекашивать лицо’, *косоротиться* ‘вести себя спесиво; важничать’, *кособениться* ‘клониться набок’, ‘гримасничать, паясничать’, ‘зазнаваться’, *кособеня* ‘сгорбившийся, кособокий человек’ и ‘тот, кто привередничает, капризничает, ломается’ и многие другие. В семантике неодушевленных существительных, образованных от экспрессивов, негативная оценка нейтрализуется, потому что они обозначают болезнь человека – *косоглазие*, *ко-*

соруко́сть. Таким образом, в сознании носителей русского языка образ, репрезентируемый прилагательным *косой*, многоплановый, он относится к разным концептосферам. Здесь приведена только небольшая часть слов с этим образом. Если учесть этимологию лексемы *косой*, ее возможную связь с *коса* 'длинный кривой нож' (ср. в говорах Новосибирской области *косарь* и *косырь* 'кривой нож, которым скоблили некрашенные половицы пола'. – Н. Л.), 'орудие косьбы' [Черных, 1994. С. 434–435], то в систему этого образа-концепта войдут все образы, связанные с косьбой. Языковой образ '*косой*' многослойный: его репрезентантами выступают соответствующее прилагательное в совокупности всех зафиксированных в литературном языке и говорах его значений, словообразовательные дериваты, которые «надстраиваются» над ЛСВ лексемы *косой*, образуя различные сегменты (микросистемы), устойчивые словосочетания с номинативной функцией, фразеологизмы, паремии. Не менее широкие поля концептов **КОНЬ**, **КРИВОЙ**, **КРУТОЙ**, **ЛЕС** и др.

СРГС дает богатейший материал для сопоставительного изучения лексики в разных аспектах.

Знаменателен тот факт, что СРГС описывает лексику такого огромного и уникального в лингвистическом отношении региона, как Сибирь, говоры которого складывались в процессе ее исторического заселения русскими и, как известно, образовали довольно сложный лингвогеографический ландшафт. Здесь существуют говоры севернорусские, перенесенные из европейской части России первыми поселенцами Сибири и сохранившие свои материнские черты; говоры юж-

норусские, перенесенные сюда из южных губерний России в более позднее время, говоры среднерусские, а также вторичные, смешанные, говоры, которые формировались в Сибири в результате смешения различных по происхождению русских говоров и влияния на них говоров аборигенов. Процессы взаимодействия различных по своему происхождению русских говоров, а последних – с языками коренных народов Сибири со всей очевидностью демонстрируют лексику и фразеологию русских сибирских говоров. Эту картину представляет «Словарь русских говоров Сибири».

И еще один момент следует отметить. В «Словаре русских народных говоров» лексика русских сибирских говоров теряется в том огромнейшем океане слов, которые фиксируются в нем, хотя любое слово в этом словаре имеет географические пометы, выделенные жирным шрифтом. СРГС намного облегчает работу диалектологов, особенно тех, кто занимается изучением лексики и фразеологии русских сибирских говоров.

Список литературы

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. 2-е изд., стер. М., 1994. Т. 1.

Н. А. Лукьянова
д-р филол. наук, проф.,
зав. кафедрой общего и русского языкознания
Новосибирского государственного
университета
E-mail: lukjanova@bk.ru